

С Е Р И Я
П О Л И Т И Ч Е С К А Я
Т Е О Р И Я

ГРАЖДАНСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

БОРИС КАПУСТИН

Вводная статья
ВЛАДИМИРА МАЛАХОВА

Приложение
ТОМАСА ХЕМФРИ МАРШАЛЛА
(перевод с английского ЮРИЯ ДЕРГУНОВА)

Издательский дом
Государственного университета — Высшей школы экономики
МОСКВА, 2011

УДК 321
ББК 66.3
К20

Рукопись подготовлена при поддержке
Центра изучения проблем гражданства
и идентичности при Институте философии РАН

Составитель серии и рецензент

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Капустин, Б. Г.

К20 Гражданство и гражданское общество [Текст] / Гос.
ун-т — Высшая школа экономики; введ. ст. В. С. Малахова;
прил. Т. Х. Маршалла / пер. с англ. Ю. Дергунова; под
науч. ред. А. Смирнова. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Выс-
шей школы экономики, 2011. — 224 с. — (Политическая
теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0799-5 (в пер.).

Книга посвящена философскому осмыслению понятия и практик гражданства в современном мире. В ней рассматриваются важнейшие проблемы теории гражданства и основные параметры и направления вызванных ими интенсивных дискуссий в мировом философском и научном сообществе. Архитектоника книги также подчинена задаче выявления полемического напряжения современного дискурса о гражданстве. В нее включено эпохальное эссе Т.Х. Маршалла, явившееся отправной точкой современных дебатов о гражданстве. На их узловые моменты обращает внимание читателя обширное введение, написанное В. Малаховым и являющееся «критическим» по отношению к двум другим текстам, составляющим данную книгу.

Книга предназначена философам, политологам, социологам и историкам.

УДК 321
ББК 66.3

ISBN 978-5-7598-0799-5

© Капустин Б.Г., 2011
© Вводная статья. Малахов В.С., 2011
© Оформление. Издательский дом
Государственного университета —
Высшей школы экономики, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

В.С. МАЛАХОВ	
ГРАЖДАНСТВО КАК ОБЪЕКТ	
СОЦИАЛЬНОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ	
ТЕОРИИ: КРИТИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ	7
Б.Г. КАПУСТИН	
ГРАЖДАНСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ	
ОБЩЕСТВО	51
ВВЕДЕНИЕ	53
I. ГРАЖДАНСТВО КАК СТАТУС	59
II. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО	
И «ЦИВИЛЬНОЕ» ГРАЖДАНСТВО	83
III. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО	
И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ГРАЖДАНСТВО	112
ПРИЛОЖЕНИЕ	143
ТОМАС ХЕМФРИ МАРШАЛЛ	
ГРАЖДАНСТВО	
И СОЦИАЛЬНЫЙ КЛАСС	145

Б.Г. КАПУСТИН

ГРАЖДАНСТВО

И ГРАЖДАНСКОЕ

ОБЩЕСТВО

Введение

Тесную связь терминов «гражданство» и «гражданское общество» предполагает уже их этимология. Практически все европейские языки воспроизводят античное выведение «гражданина» — *civitatus* из «гражданской общины» — *civitas*. Да и как может быть иначе, если с точки зрения классики «гражданство есть продукт живых сил и самой общественно-политической атмосферы» той ассоциации людей, важнейшим определением которой оно является¹? То, что связь *civitatus* и *civitas* имеет субстанциальный, наполненный глубоким историко-политическим смыслом характер, показывает становление их аналогов в новоевропейских языках. Так, в английском языке лишь с XVI в. начинается оформление понятия *citizen* (гражданин) как производного от *city* (город), но отделенного от *denizen* (*deinsein* в староанглийском написании), обозначающего всего лишь «обитателя города». *Citizen* — в отличие от *denizen* — не просто живет в городе, но имеет определенные права, которыми его наделил город, обладает определенными способностями и умениями, воспитанными в нем городом и позволяющими эти права реализовывать, наконец, в установленных формах участвует в жизни города, тем самым осуществляя свои обязанности перед ним².

Действительно, гражданство выступает (используя термин Д. Хитера) сложным «кластером значений», в который входят, как минимум, определение легального и социального статуса, признаки политической идентичности, фокусировка культурной и политической

¹ См.: Matheson P.E. Citizenship // International Journal of Ethics. 1897. Vol. 8. No. 1. P. 26.

² Подробнее о значении и становлении понятия гражданина в английском языке и британской политической культуре см.: Turner B.S. Outline of a Theory of Citizenship // Sociology. 1990. Vol. 24. No. 2. P. 203 ff.

лояльности, требование исполнения обязательств (долга) и ожидание осуществления прав, а также мерило «правильного» или подходящего поведения в обществе³. Этот кластер — весьма подвижная конструкция. Разные эпохи и культуры меняли его конфигурацию, придавали различный удельный вес тем или иным его элементам, а также сообщали им весьма несхожие значения. Дать единственно правильное определение гражданства, похоже, нельзя в принципе. В логике политической и идеологической борьбы оно необходимым образом является «сущностно оспариваемым»⁴, и его содержание в решающей мере обуславливается историческими контекстами, в которых осуществляется гражданство. Однако тесная связь «гражданства» и «гражданского общества», предполагающая то, что они могут определяться только друг через друга, казалось бы, должна оставаться инвариантом, даже если ее конкретное содержание тоже исторически варибельно.

Однако при обзоре современной литературы по темам «гражданство» и «гражданское общество» мы обнаруживаем, что эти понятия можно обсуждать раздельно, как если бы необходимая связь между ними отсутствовала или была аналитически несущественна. В самом деле, имеются большие массивы литературы, включающие и фундаментальные труды, в которых «гражданское общество» рассматривается вне какой-либо понятийной связи с «гражданством» и наоборот⁵.

³ См.: Heater D. *Citizenship: The Civic Ideal in World History, Politics and Education*. L.: Longman, 1990. P. 163.

⁴ Somers M.R. *Rights, Rationality and Membership: Rethinking the Making and Meaning of Citizenship* // *Law and Social Inquiry*. 1994. Vol. 19. No. 1. P. 65; Gusteren van H. *Notes on a Theory of Citizenship* // *Democracy, Consensus and Social Contract* / P. Birnbaum, J. Lively, G. Parry (eds). L.: Sage, 1978.

⁵ В качестве примеров работ первого рода укажем: *Civil Society: Theory, History, Comparison* / J.A. Hall (ed.). Cambridge: Polity Press, 1995; *The Essential Civil Society Reader* / D. Eberly (ed.). Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2003; *Alternative Conceptions of Civil Society* / S. Chambers, W. Kymlicka (eds). Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002; *Changing Images of Civil Society* / B. Jobert et al. (eds). L.—N.Y.: Routledge, 2008

В обстоятельном обзоре современной литературы по теории гражданства У. Кимлика и У. Норман выделяют шесть основных ее разновидностей, и среди них лишь одна определяется фокусировкой на связь «гражданства» и «гражданского общества»⁶. То, что вроде бы должно было служить отправной точкой любой теории гражданства, оказалось уникальной чертой одной специфической ее версии!

Но при внимательном рассмотрении и этой единственной версии теории «гражданства», которая как-то увязывает его с «гражданским обществом», возникает вопрос: показана ли эта связь в качестве *необходимой*, т.е. такой, вне которой не существуют, а потому немислимы ни «гражданское общество», ни «гражданство»? Если отвлечься от собственно нормативных концепций, которые лишь постулируют эту связь в качестве *должного*, то придется признать, что показать ее в качестве *необходимой* в рамках рассматриваемой версии теории «гражданства» не удастся. Обобщая опыт анализа этой связи, Т. Яноски заключает: «В то время как гражданство и гражданское общество являются в полном смысле различными категориями — первая относится к правам и обязанностям, обеспеченным силой государства, а вторая сфокусирована на социальных группах, находящихся в состоянии взаимодей-

и др. В качестве примеров работ, в которых «гражданство» обсуждается вне понятийной связи с «гражданским обществом», сошлемся на следующие: *Smith R. Civic Ideals: Conflicting Visions of Citizenship in US History*. New Haven, CT: Yale University Press, 1997; *Citizenship, Democracy and Justice in the New Europe* / P.B. Lechning, A. Wearle (eds). L.—N.Y.: Routledge, 1997; *Race, Identity, and Citizenship: A Reader* / R.D. Torres et al. (eds). Malden, MA: Blackwell, 1999; *Schwarzman J. Citizenship and Identity*. L.—N.Y.: Routledge, 2003; *Isin E.F. Being Political: Genealogies of Citizenship*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002 и др.

⁶ *Kymlicka W., Norman W. Return of the Citizen: A Survey of Recent Work on Citizenship Theory // Theorizing Citizenship* / R. Beiner (ed.). N.Y.: State University of New York Press, 1995. P. 283–322.

ствия или противодействия друг другу, связь между ними *эмпирически* возможна». Но при этом важно понимать то, что «...теория гражданского общества не является теорией гражданства». Каждое из них имеет собственную объясняющую их теорию⁷.

Признавая в целом справедливость этих выводов, необходимо сделать два существенных уточнения. Первое: они верны в отношении теорий, *определенным образом* понимающих и «гражданство» (в качестве производного от государства), и «гражданское общество» (как социальной сферы, отличной от государства). Второе: при *иных* трактовках «гражданства» и «гражданского общества» указанные выводы о сугубо эмпирическом и «случайном» характере связи между ними могут оказаться недействительными. Такие трактовки этих категорий и, как их следствие, понимание связи между «гражданством» и «гражданским обществом» в качестве необходимой тоже имеют место в современной литературе, пусть на ее идеологической периферии⁸.

Сказанное выше определяет основные сюжеты и структурную организацию данной работы. В центре ее — вопрос о том, в чем суть тех отличий современно-

⁷ Janoski T. *Citizenship and Civil Society*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 17, 242 (note 23).

⁸ В качестве примера приведем такое рассуждение: «Если “гражданское” в “гражданском обществе” имеет какое-то политическое значение, то оно заключается в отборе тех ассоциаций, которые выдвигают требования гражданства. Спортивные клубы, научные общества, группы любителей музыки и другие бесчисленные коллективы, удовлетворяющие свой частный интерес, конечно, пользуются правами гражданства. Но сами по себе они не требуют его и не действуют ради осуществления этого требования» (*Hawthorn G. The Promise of ‘Civil Society’ in the South // Civil Society: History and Possibilities / S. Kaviraj, S. Khilnani (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 277*). Коли так, то «гражданским обществом» является только то, что борется за «гражданство» (первое определяется через второе), а «гражданином» — в отличие от всего лишь пользователя гражданством — является тот, кто участвует в такой борьбе как движению «гражданского общества» (вновь одно определяется через другое).

го гражданства от его классического античного варианта, которые позволяют рассматривать первое либо вне связи с гражданским обществом, либо, если такая связь фиксируется, трактовать ее как нечто «эмпирическое». Мы будем исходить из того, что теории, выражающие такие подходы, не являются ложными, если под «ложностью» понимать искаженное отражение реальности. Напротив, они интересны тем, что вполне адекватно описывают определенные условия и формы существования гражданства в современном, либеральном и капиталистическом мире, который принято называть «демократическим капитализмом», хотя, возможно, точнее было бы именовать его «капиталистической демократией». Критика этих теорий нацелена не на изобличение их «неверности», а на выявление границ их истинности, т.е. границ тех самых условий и форм существования гражданства в современном мире, за пределами которых оно восстанавливает свою необходимую связь с гражданским обществом, хотя такая связь, конечно же, не может быть повторением той, какая существовала в античности⁹. Первая часть моей работы рассматривает теории гражданства, берущие его вне какой-либо связи с гражданским обществом. Вторая часть сосредоточивается на теориях, которые фиксируют лишь «эмпирическую» связь этих категорий. В третьей части речь пойдет о концепциях, устанавливающих необходимую связь между гражданством и гражданским обществом и тем самым рас-

⁹ Эта формулировка уже указывает на то, что предложенный в этой работе подход противоположен тому, который обозначают как «гражданский республиканизм». Ведь для «гражданских республиканцев» античный идеал связи гражданина и полиса, согласно которому участие в делах политической ассоциации является «высшей формой совместной жизни людей», а ограниченность такого участия «ведет к радикальной неполноте и ущербности существования человека», полностью сохраняет свое значение для современного мира (см.: *Oldfield A. Citizenship and Community: Civic Republicanism and the Modern World. L.—N.Y.: Routledge, 1990. P. 6; Oldfield A. Citizenship: An Unnatural Practice? // Political Quarterly. 1990. Vol. 61. No. 2. P. 187).*

крывающих границы существования гражданства в рамках «капиталистической демократии» и условия перешагивания через эти границы. Наша центральная гипотеза заключается в том, что та или иная версия связи гражданства и гражданского общества, как и отсутствие оной, в конечном счете обуславливаются различиями в понимании диалектики «частного лица» («человека» — в терминологии XVIII в., или «буржуа» — по Г.В.Ф. Гегелю) и «гражданина» — или игнорированием этой диалектики.

1. Гражданство как статус

Общепризнанно, что отправной точкой современного дискурса о гражданстве стала серия работ Т.Х. Маршалла, первой и наиболее резонансной из которых стала его лекция, опубликованная в 1950 г. в качестве эссе, «Гражданство и социальный класс»¹⁰. С точки зрения стоящих перед нами задач наиболее значимыми моментами этого произведения Т.Х. Маршалла являются следующие.

1. Гражданство концептуально определяется как *статус*, которым индивиды наделены в качестве полноценных членов данного политического сообщества, предполагающий наличие у них некоторого набора *прав*, признанных в этом сообществе «нормальными»¹¹. Эти права реализуются посредством соответствующих институтов. Поэтому «*действительность* прав» — в отличие от бытия прав в качестве «*требований*» или «*идей*» — совпадает с их институционализацией. Соответственно формулой гражданства у Т.Х. Маршалла выступает «набор прав + социальные институты»¹².

¹⁰ См.: *Marshall T.H. Citizenship and Social Class // Class, Citizenship and Social Development, with an introduction by S.M. Lipset. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1964.* Хорошее представление об основных направлениях дискуссий, вызванных текстами Т.Х. Маршалла, дает сборник: *Citizenship Today: The Contemporary Relevance of T.H. Marshall / M. Bulmer, A. Rees (eds). L.—N.Y.: Routledge, 1996.* За прошедшие после выхода первых работ Т.Х. Маршалла столетия интенсивность полемики вокруг гражданства то нарастала, то снижалась. Причины резкой ее активизации с конца 80-х — начала 90-х годов XX в. — особый вопрос (см.: *Crouch C., Eder K., Tambiani D. Introduction // Citizenship, Markets, and the State / C. Crouch et al. (eds). Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 1 ff.*). Мы кратко вернемся к нему в конце данной работы.

¹¹ См.: *Marshall T.H. Op. cit. P. 84.*

¹² См.: *Barbalet J.M. Citizenship. Rights, Struggle and Class Inequality. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. P. 6 ff.*

2. Права и их констелляции — сугубо исторические явления. В современном западном (либерально-демократическом, капиталистическом) обществе сложились три основных вида прав: гражданские, политические и социальные¹³. С точки зрения Т.Х. Маршалла они возникли в известной исторической последовательности. Но в этом не было predeterminedности («законами истории», «природой человека», «сущностью капитализма» или чем-то иным), как нет ее и в том, каким образом протекает взаимодействие этих видов прав в настоящее время, учитывая их разное и меняющееся политико-экономическое содержание и различие функций в воспроизводстве и эволюции общества¹⁴.

¹³ Эта классификация прав гражданства стала хрестоматийной, но у самого Т.Х. Маршалла она выглядит менее строгой и как бы незаконченной. Особо примечательно то, что наряду с указанными тремя видами прав он вводит еще одну их категорию — «индустриальные права». Они тракуются как *коллективные права объединений* (типа профсоюзов), которые создают в сфере экономической жизни аналог политического гражданства (см.: *Marshall T.H. Op. cit. P. 94*). Вписать «индустриальные права» в триаду гражданских-политических-социальных прав невозможно, но без них вся эта триада (вследствие историко-политического характера своего происхождения и ее современного *modus operandi*) выглядит по меньшей мере неустойчивой, «деконструируемой» и податливой *реакционному* свертыванию. Все это и продемонстрировало наступление на социальные права в период тэтчеровской и рейгановской «неоконсервативной революции», которая стала возможной вследствие снижения силы профсоюзов (как носителей «индустриальных прав») и, в свою очередь, привела к дальнейшему их упадку (см.: *Turner B.S. Outline of a Theory. P. 194–195; Offe C. Democracy Against the Welfare State? // Political Theory. 1987. Vol. 15. No. 3. P. 501–537*).

¹⁴ У самого Т.Х. Маршалла все права, в конечном счете, служат интеграции общества и сглаживанию его противоречий. Но его же реконструкция истории их становления как *истории борьбы* одних общественных сил против других, а также показ различного воздействия разных видов прав на классовую структуру общества подталкивают к мысли о том, что они имеют разный «классовый уклон», по-разному вписываются в разные стратегии господства и сопротивления ему (см.: *Giddens A. Class Division, Class Conflict and Citizen-*

3. Один из центральных тезисов Т.Х. Маршалла заключается в том, что (во всяком случае, с начала развития социальных прав) «гражданство и капиталистическая классовая система находятся в состоянии войны»¹⁵. Самое общее объяснение этой «войны» таково. Гражданство строится на принципе равенства (оно предполагает объединение индивидов в рамках данного общества в единый политический класс), тогда как капитализм с присущей ему классовой структурой необходимым образом порождает неравенство¹⁶. Главной задачей Т.Х. Маршалла и является выяснение того, каким образом и насколько глубоко гражданство модифицировало и в будущем сможет модифицировать капитализм. Главный же его вывод состоит в том, что посредством взаимной адаптации возможно сочетание и своего рода «примирение» противоположных принципов — гражданства и существования воспроизводимых капитализмом классов, социальной справедливости и экономической необходимости, рынка и обширной государственной регуляции общественной жизни и т.п.¹⁷

ship Rights // Giddens A. Profiles and Critiques in Social Theory. Berkeley, CA: University of California Press, 1982. P. 171–175). Речь не идет о том, что разные виды прав имеют разные имманентные классовые сущности, «буржуазные», «пролетарские» или иные, и поэтому находятся в неизменных отношениях друг с другом (скажем, гражданские права — в антагонизме с социальными правами). Эссенциализация прав столь же недопустима, как эссенциализация любых других исторических явлений. «Классовый уклон» прав определяется не их будто бы неизменными «сущностями», а способами их освоения в тех или иных политических стратегиях. Те же гражданские права, действительно, использовались буржуазией против рабочего класса, но их же использовали и угнетенные в борьбе с угнетателями (см.: Fraser N., Gordon L. Civil Citizenship Against Social Citizenship? // The Condition of Citizenship / B. Steenbergen (ed.). L.: Sage, 1994. P. 94 ff).

¹⁵ Marshall T.H. Op. cit. P. 84.

¹⁶ См.: Ibid. P. 84, 102–103.

¹⁷ См.: Ibid. P. 96–97, 110–111, 116–117, 119. «Примирение» этих противоположных принципов выглядит у Т.Х. Мар-

4. У Т.Х. Маршалла гражданство — это определенное отношение между *индивидами и государством*. Недостатком концепций его либеральных предшественников (например, А. Маршалла) он считал непонимание того, что «ответственность за наделение [индивидов] правами должна быть прямо и открыто возложена на плечи государства», что гражданство — это не образ жизни, вырастающий из внутреннего мира человека, а то, что приходит к нему *извне*¹⁸. Тема борьбы за гражданские права, как уже отмечалось (см. сноску 14), занимает видное место в рассуждениях Т.Х. Маршалла. Но такая борьба — лишь катализатор действий государства, которыми устанавливаются и развиваются режимы гражданства. В качестве собственно граждан индивиды выступают скорее реципиентами и носителями прав, чем их «субъектами». В результате гражданство у Т.Х. Маршалла приобретает коннотации пассивности, если не сказать — клиентелизма. Следует отметить, что они вызывают у него тревогу, но никаких внятных рецептов «активизации» пассивно-потребительского гражданства он не предлагает¹⁹. Заметим, что в повествовании Т.Х. Маршалла о гражданстве «гражданскому обществу» нет места:

Окончание сн. 17

шалла неокончательным, условным и даже с логической точки зрения непоследовательным. Но в пику тем, кто отождествляет совершенство общественного устройства с его *логичностью*, Маршалл иронически замечает: не логика управляет общественной жизнью, «человеческое общество может готовить съедобную пищу из мешанины парадоксов, не подвергая себя угрозе несварения, — во всяком случае, весьма долгое время» (Ibid. P. 121–122).

¹⁸ См.: *Marshall T.H.* Op. cit. P. 70.

¹⁹ На роль таковых вряд ли подходят упования Маршалла на то, что упадок энергии гражданских чувств, который он отчетливо фиксирует в современном обществе, может быть компенсирован ростом приверженности «локальным сообществам» (аллюзия к Токвилю) и активным участием в жизни трудовых коллективов — благодаря деятельности профсоюзов и в логике осуществления «индустриальных прав» (см. сноску 13). См.: Ibid. P. 119.

оно *излишне* в «статусной» концепции гражданства, которая определяет его как прямое отношение между индивидами и государством.

5. Хотя у Т.Х. Маршалла гражданство выступает формальным статусом, он рассматривает его включенным в исторические контексты и обусловленным ими. Это прежде всего означает, что свои реальные значения гражданство-как-статус обретает лишь в сочетании с действительными ресурсами, условиями и возможностями для его практикования. Так, «право собственности не есть право на владение собственностью; оно есть лишь право приобрести ее, если вы можете себе это позволить, и защитить ее, если вам удастся ее получить»²⁰. Говорить о *равном* праве собственности для богача и бедняка абсурдно с точки зрения реальной практики этого права, хотя одной из ее составляющих является именно идеализм презентации права собственности в качестве универсального²¹. Но точно так же можно показать неуниверсальность практик любого из гражданских прав — свободы слова, совести, собраний, равенства перед законом и т.д. Каждое из них предполагает обладание соответствующими ресурсами — интеллектуальными и/или материальными. Но их распределение между социальными группами никогда не бывает равномерным²². Как

²⁰ Marshall T.H. Op. cit. P. 89.

²¹ Презентация гражданских прав в качестве универсальных в эпоху становления капитализма непосредственно служила подрыву статуса тех, кто не мог выступить на рынке в качестве собственника (хотя бы своей рабочей силы). Она также использовалась для оправдания разрушения докапиталистических систем социального обеспечения слабых под предлогом наличия у них равного права испытать свое счастье в условиях «свободной конкуренции» (подробнее об этом см.: Fraser N., Gordon L. Op. cit. P. 94 ff; Somers M.R. Op. cit. P. 79–80, 95 ff).

²² Т.Х. Маршалл остроумно показывает, что при дефиците образования и соответствующих навыков логики, риторики, критического мышления и т.д. свобода слова утрачивает всякое реальное значение, во всяком случае — применитель-

отмечалось выше, формула гражданства у Т.Х. Маршалла — «набор прав + институты». Последние и есть те (минимально необходимые) ресурсы, которые государство обеспечивает для более-менее равного пользования соответствующими правами гражданами данного политического сообщества²³. Этим же определяется ключевое значение возникающих в XX в. *социальных* прав для стабилизации и эффективного осуществления *всего комплекса* прав: именно и только они обеспечивают доступ «всех» к «определенным стандартам цивилизации», включая, разумеется, гражданские и политические права²⁴.

В нашу задачу не входят обстоятельный обзор дебатов вокруг «статусной» концепции гражданства Т.Х. Маршалла и описание всех направлений ее трансформации. Более того, два из них, отождествляемых с «нормативным подходом» к гражданству, останутся за рамками нашего исследования. Речь идет о юридических и так называемых «моральных» концепциях гражданства. Первые представляют собой описания и трактовки соответствующих правовых положений, регулирующих вопросы гражданства на государствен-

Окончание см. 22

но к общественной жизни (см.: *Marshall T.H. Op. cit. P. 88*). Но ведь это справедливо, скажем, и для свободы совести. Зачем она, если мы неспособны критически мыслить в отношении «унаследованных верований»?

²³ По мысли Т.Х. Маршалла, суды есть институт, обеспечивающий гражданские права. Но судебная тяжба — очень дорогое удовольствие, вследствие чего вплоть до середины XIX в., если брать пример Англии, было нелепо говорить хоть о каком-то подобии «равенства перед законом». Учрежденные в то время так называемые «суды графств» (*County Courts*) в некоторой степени облегчили доступ к правосудию «простым людям», но лишь в XX в. начинают приниматься более серьезные меры (при всей их классовой ограниченности) по снятию с плеч малоимущих непосильного для них материального бремени реализации права на «равенство перед законом». Описание Т.Х. Маршаллом противоречий и тенденций осуществления этого права в Англии см.: *Marshall T.H. Op. cit. P. 90 ff.*

²⁴ *Ibid. P. 94–95.*

ном, региональном и международном уровнях. Вторые являются экспликацией требований «морального разума» применительно к политической жизни индивидов. Д. Ролз отчетливо формулирует основы такого подхода следующим образом: «политическая концепция личности», или концепция гражданина», является «*средством репрезентации* [схем мышления] индивида как участника исходной ситуации», которая и выступает у Д. Ролза «естественно-договорной» моделью развертывания «морального разума». Автономия свободных и равных граждан как глашатаев правовых требований, таким образом, просто *постулируется* вне какого-либо содержательного отношения к реальным историко-политическим контекстам. Однако только эти контексты определяют то, осуществляются ли данные требования в действительности и как это происходит. Они определяют и то, какими конкретными смыслами наполняются (или не наполняются) правовые требования в той или иной исторической ситуации²⁵. С точки зрения нашего исследования такие концепции неинтересны уже потому, что гражданство, идеалистически представленное ими всего лишь как *должное*, не нуждается в гражданском обществе в качестве условия и формы своей реализации. Поэтому такие морально-идеалистические концепции гражданства прекрасно обходятся без понятия гражданского общества²⁶.

²⁵ См.: Rawls J. Justice as Fairness in the Liberal Polity // The Citizenship Debates: A Reader / G. Shafir (ed.). Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998. P. 63, 64–66.

²⁶ Впрочем, существуют такие «моральные» концепции гражданства, которые апеллируют к гражданскому обществу. Характерным их примером могут служить взгляды Д. Коэн. Она настаивает на том, что в современных условиях (глобализации) гражданство *должно быть* осмыслено как то, что относится к универсальной и абстрактной «юридической личности» *независимо* от ее участия в политической жизни какого-либо (всегда исторически конкретного, а потому имеющего определенные границы) демоса. Соответственно, гражданское общество предстает у Д. Коэн лишенной каких-либо политических границ и какого-либо осязаемого истори-

Гораздо интереснее разобраться в том, почему *теоретико-социологические* концепции гражданства как статуса игнорируют гражданское общество. Для понимания этого целесообразно посмотреть на то, какие именно из приведенных выше составляющих теории Т.Х. Маршалла заимствуются и развиваются этими концепциями, а какие, напротив, затушевываются или вовсе исчезают из поля их зрения.

Помимо принятия исходного определения гражданства как статуса, социологические теории этого рода наследуют у Т.Х. Маршалла способ рассмотрения гражданства как отношения между государством и индивидами. И для этого есть основания. Серьезные историко-социологические исследования неоспоримо демонстрируют связь процессов формирования и развития современного государства, с одной стороны, и современной идеи и практики гражданства — с другой. Гражданство, пишет Р. Брубейкер, «является изобретением Французской революции. Формальное определение границ тех, кто считаются гражданами, установление гражданского равенства, включающего

Окончание сн. 22

ческого содержания сферой дискурса о таком универсальном и абстрактном гражданстве. Единственным «определением» гражданского общества оказывается то, которое описывает его в качестве «поперечной сферы социальных отношений (a transversal domain of social relations)». Эту сферу «характеризуют постоянно меняющиеся и вновь устанавливаемые контакты, связи, соединения, сети, формации общественности, способные распространяться сквозь любые местоположения, регионы и границы» (*Cohen J. Changing Paradigms of Citizenship and the Exclusiveness of the Demos // International Sociology. 1999. Vol. 14. No. 3. P. 261. См. также: Ibid. P. 259–260*). Определить, как нас учили классики, еще способные к строгому логическому мышлению, значит *ограничить*. То, что нельзя ограничить, что способно распространяться «сквозь любые границы», не может быть теоретическим понятием. С ним нельзя работать. В этом беда коэновского определения гражданского общества, и проистекает она из того, что гражданское общество оказывается здесь всего лишь «тавтологическим расширением» того же гражданства как пустого требования «морального разума». От рассмотрения подобных способов сопряжения гражданства и гражданского общества мы имеем право воздержаться.

общие права и обязанности, институционализация политических прав, юридическая рационализация и идеологическая акцентировка различий между гражданами и иностранцами, артикуляция доктрины национального суверенитета и связи между гражданством и национальностью, замена *прямыми отношениями между гражданами и государством* опосредованных отношений, характерных для «старого режима», — все это впервые на уровне национальной жизни принесла Революция»²⁷. В том и дело, что современное государство в соответствии с логикой его централизации и «рационализации» является не просто организацией монополии на легальное насилие (аллюзия к М. Веберу), но и «членской организацией», т.е. организацией тех, кого оно конституирует в качестве своих граждан.

Действительно, только членство в организации, именуемой «государство», делает права реальностью. Не только в том очевидном смысле, что лишь такое членство соединяет права с той *принудительной силой* их соблюдения, без обеспеченности которой любые права в политическом отношении являются лишь пустым звуком. Не менее важно то, что членство в организации «государство» решает то, что можно назвать «квадратурой круга» гражданства, — создает определяющую его *конкретную абстрактность*.

В самом деле, современное гражданство создается посредством *абстрагирования* определения гражданина (как бы оно ни менялось исторически) от целого ряда партикулярных определенностей человека, обусловленных его принадлежностью к социальным группам, возникшим по признакам соседства, веро-

²⁷ *Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. P. 35.* Среди других крупных работ по теме «гражданство и современное государство» выделяются: *Bendix R. Nation-Building and Citizenship. N.Y.: John Wiley, 1964; Poggi G. The Development of the Modern State. L.: Hutchinson, 1978.*

исповедания, профессии, генеалогии и т.д. В наше время, имея в виду «типичные» условия, такое абстрагирование распространилось на признаки пола, цвет кожи, уровень дохода, и благодаря этому права, выраженные в гражданстве, оказываются «универсальными». Но именно членство в организации «государство» наполняет эту универсальность конкретным содержанием (идеология «прав человека» делает его «невидимым»). То же самое можно выразить и так: членство в государстве определяет то, *на что* распространяется абстрагирование, создающее современное гражданство, а на что — нет, так что это второе непосредственно в своей грубой материальности входит в как бы «самоочевидные» условия осмысления и практики гражданства. Так и создается конкретная абстрактность прав. Поясним это следующим рассуждением.

Существуют три основные сферы, в отношении которых каждый исторический режим гражданства должен решить, какие именно составляющие их элементы подлежат абстрагированию, а какие — нет. Обозначим эти сферы следующими вопросами: «кого именно считать “всеми” теми, кто обладает гражданством?»; «на какие области социальной жизни распространяются считаемые универсальными права?»; «каково именно предметное содержание таких прав?». Несомненно, для каждого вида прав (гражданских, политических, социальных) эти вопросы решаются специфическим образом. Возьмем гражданские права в качестве иллюстрации того, как работает процесс абстрагирования, и сосредоточимся на праве собственности. Ведь именно гражданские права считаются наиболее абстрактными и универсальными — так что это даже порождает у некоторых авторов иллюзию, будто они могут существовать вне какой-либо связи с членством в определенных политических организациях (включая суб- и надгосударственные) (см. сноску 26).

Обладание правом собственности предполагает признание за индивидом, по крайней мере, правовой

дееспособности, т.е. его соответствия принятым в данном обществе стандартам «полноценного человека». То, что современные гражданские кодексы признают право собственности даже за нерезидентами соответствующих стран, свидетельствует о распространении абстрагирования и на национально-гражданский признак определенности человека (хотя здесь всегда есть ограничения). Но не более того. Квалификации «полноценного человека», скажем, в психическом отношении, бесспорно, остаются. А можем ли мы (по крайней мере, после З. Фрейда и, тем более, «Истории безумия в классическую эпоху» М. Фуко) всерьез считать такие квалификации «объективными медицинскими критериями», а не специфическими для данной культуры стандартами, при помощи которых она насаждает одни типы личности и репрессирует другие? Именно таким образом элементы грубой материи данного общества, от которых абстрагирование *не* производится, входят не замеченными обыденным и либеральным теоретическим сознанием в само понимание абстрактного и универсального права собственности. Как и любое право, оно проводит границу между «нами», дееспособными обладателями гражданских прав, и «ими», которые такой *привилегией*, как право, не обладают (или обладают в усеченном виде). Так в данном случае мы получаем ответ на первый вопрос: «Кого считать “всеми”, кто обладает правами?»²⁸.

²⁸ Другим способом конкретизации абстракции права собственности являются законы, обычаи, а то и политические решения, относящиеся к *предметам* собственности (в диапазоне от антимонополистической регуляции до отказа иностранцам в приобретении некоторых объектов, доступных для присвоения гражданами данной страны). Но это мы рассмотрим в связи с третьим из поставленных выше вопросов — о предметном содержании права собственности. В случаях же политических и социальных прав границы «всех» тех, кто ими обладает, конечно, более очевидны и непосредственно зафиксированы в самих их юридических определениях. Они показывают, кого государство считает «политическими гражданами» или на каких условиях может

Определение областей социальной жизни, на которые распространяются (или не распространяются) абстрактные гражданские права, — другой ключевой момент их конкретизации. Не нужно доказывать, что, к примеру, свобода слова вряд ли совместима с армейской дисциплиной и уж совсем не может иметь места в деятельности секретных и дипломатических служб. Более того, безусловное ее практикование в этих областях, соответствующее понятию «неотчуждаемого права», как минимум, было бы свидетельством профнепригодности, а как максимум — равнозначно предательству родины.

В случае же нашего примера права собственности особо примечательна история его «миграций» из одних областей социальной жизни в другие. Скажем, по историческим меркам еще недавно оно активно практиковалось в административном управлении самых «цивилизованных» европейских стран: должности судей или сборщиков налогов легально продавались и покупались состоятельными людьми и приносили ренту, законность которой тем и удостоверялась, что они были отданы государством частным лицам «на откуп». Ныне подобное считалось бы возмутительным примером коррупции, и область административного управления, во всяком случае теоретически, перестала быть областью действия права собственности. Напротив, уступка владельцем крупной фирмы права собственности на нее другому лицу, ломающая жизнь сотен людей не в меньшей мере, чем рентные лихоимства прежних откупщиков административных должностей, считается совершенно законным делом. Законно же оно потому, что капитализм впервые в истории человечества создал особую сферу экономики. Ее специфика в том и заключается, что все оказывающееся в ее

Окончание см. 28

признать таковыми тех, кто ими в настоящее время не является, на какие именно группы населения и при соответствии каким требованиям распространяются те или иные социальные бенефиты и т.д.

пределах считается законным предметом частной собственности — даже то, что до ее создания таковым не было²⁹. Хотя вопрос о границах этой сферы, о том, как далеко и на что именно она распространяется, был и остается предметом острой политико-идеологической борьбы.

Аналогичным образом можно было бы рассмотреть «миграции» права собственности по другим областям социальной жизни и увеличивающиеся или уменьшающиеся степени овладения им этими областями. Скажем, в какой степени семейно-интимная жизнь охвачена правом собственности, выраженным посредством брачного контракта? Насколько переход от армии граждан к армии наемников, продающих свою рабочую силу по контракту, свидетельствует о распространении права собственности на военную область? Как оно подчиняет себе сферу научной и художественно-творческой деятельности, превращая их в бизнес-предприятия, и есть ли пределы такого подчинения, по ту сторону которых они перестанут быть наукой и творчеством? То, на какие области распространяются или не распространяются гражданские права, не предопределено их (будто бы) «имманентной природой». Это зависит от характера данного общества, от результатов происходящей в нем борьбы, на которые печать «окончателности» (до ее снятия новыми раундами борьбы) ставит именно власть государства.

Определение предметного содержания абстрактных гражданских прав — третий момент их конкре-

²⁹ Непревзойденный анализ истории и логики формирования особой сферы экономики, присущих ей механизмов коммодификации оказавшихся в ее рамках социальных предметов, а также общественных следствий ее возникновения и по сути неконтролируемого роста в XIX в. можно найти в работах К. Полани (см.: *Полани К. Два значения термина «экономический» // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина М.: Логос. 1999. А также: Полани К. Великая трансформация / под ред. С.Е. Федорова. СПб.: Алетей, 2002).*

тизации. Так, решение вопроса о том, что может, а что не может быть предметом собственности, обуславливает основные параметры жизни данного общества. Мысль о том, что для существования частной собственности должно быть нечто, собственностью *не* являющееся, представляет собой своего рода общее место серьезной социальной философии. Обычно под таким «нечто» понимают правовые, политические, нравственные устои, создающие фундамент порядка как такового и даже саму возможность человеческого общежития. Й. Шумпетер как бы итожит мощную традицию теоретической мысли, восходящую (говоря о Новом времени) к Д. Локку, А. Фергюсону, Г.В.Ф. Гегелю, Э. Дюркгейму, когда пишет: «...ни одна социальная система не может функционировать, если она базируется исключительно на сети свободных контрактов между (законодательно) равными партнерами, в которой каждый руководствуется не чем иным, кроме собственных (краткосрочных) утилитарных целей.»³⁰

Вопрос в том, *чем* именно бывает это «нечто», которое не должно становиться предметом права собственности и воплощающей его «сети свободных контрактов» в *данном* обществе, чтобы оно могло существовать. Должна ли входить в это «нечто» личность человека (что равносильно запрету «классического» рабства)? За вычетом или без вычета той ее стороны, которая в отчужденном состоянии именуется «рабочая сила»? За вычетом или без вычета тела как атрибута личности (вторая опция предполагает запрет проституции)? Должна ли входить в это «нечто» земля? Или только сакральные места? Или только те ее участки, которые связаны с обеспечением так или иначе понятых «национальных интересов»? Или возможны иные квалификации, применяемые при определении земли в качестве предмета права собственности? Входит ли в это «нечто» правосудие целиком или за вычетом наемной

³⁰ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. С. 527–528.

адвокатуры? Эти и множество других аналогичных вопросов показывают то, *как* исторически и политически каждое общество по-своему очерчивает предметное содержание абстрактных гражданских прав (в данном случае — права собственности) и тем самым конкретизирует их³¹. И вновь законную и принудительную силу такое очерчивание получает благодаря властным решениям государства.

Таким образом, у современных социологов есть веские основания принять методологическую установку Т.Х. Маршалла рассматривать гражданство как статус в логике *прямых* отношений между государством и индивидами. Более того, эта установка получила у них существенное развитие. В самом деле, если у Т.Х. Маршалла государство выступает распределителем, блю-

³¹ Причем есть такие предметы, в отношении которых подобная конкретизация гражданских прав предполагает сохранение неопределенности, точнее, двусмысленности или того, что П. Бурдьё называл «двойственностью истины». Возьмем, к примеру, такой предмет, как мой голос в качестве избирателя. С одной стороны, право собственности *не* должно распространяться на него: я не имею права продавать его за мзду, которую мне может предложить беспринципный кандидат на выборах. Такая продажа голосов полностью делегитимировала бы избирательную демократию и лишила ее малейшего смысла, а потому торговля голосами на выборах обычно преследуется в уголовном порядке. С другой стороны, «нормальные» современные выборы и есть бартерный обмен между избирателями и политиками: первые отдают голоса вторым в обмен на посулы определенных благ, в большинстве случаев — откровенно материального характера (снизить налоги, построить в данной округе мост, увеличить пошлины на импортируемые мясoproductы, угрожающие благополучию местных фермеров, и т.п.). Можно сказать, что все функционирование современной демократии строится на систематическом *незамечании* того, что в плане нравственности и политической рациональности никакого принципиального различия между таким бартером и продажей голоса за бутылку водки нет (во втором случае, правда, меньше риск быть обманутым). Это я и назвал конкретизацией гражданских прав (в данном случае — права собственности на мой голос), но также и политических прав (права избирать) в виде *ритуальной двусмысленности*.

стителем и исполнителем прав, ассоциируемых с гражданством (последнее относится, прежде всего, к социальным правам), то уже сказанное выше показывает, что оно является и их создателем. Создание прав — это и есть работа государства по их формированию в качестве конкретных абстракций посредством решения трех великих вопросов: «кто?» (обладает правами), «где?» (в каких областях общественной жизни и в какой мере они практикуются) и «что?» (может или не может становиться их предметами).

Развитие маршалловского понимания «статусного» гражданства в качестве практики (согласно формуле «набор прав + институты») осуществлялось по нескольким взаимосвязанным направлениям. Если отказаться от гипостезирования государства как «субъекта» или «актора», то его деятельность по созданию, преобразованию, обеспечению и т.д. прав гражданства предстанет осуществлением *стратегий определенных политических сил*, оказывавшихся способными (на том или ином этапе истории) контролировать государство или, во всяком случае, влиять на то, как оно используется. В этой логике М. Манн и показывает, каким образом гражданство в его конкретных исторических проявлениях оказывалось продуктом стратегий правящих классов в конкретных условиях капиталистической модернизации обществ разного типа, их реакций на военно-политические вызовы извне, их попыток способствовать адаптации местных культурных и политических традиций к драматически меняющимся обстоятельствам и т.д. Своеобразие сочетаний всех этих факторов приводит к образованию пяти основных моделей и исторических траекторий развития гражданства, лишь одной среди которых выступает либеральный (англо-американский) режим гражданства, хотя и он обнаруживает важные различия на уровне его подвидов³².

³² Mann M. Ruling Class Strategies and Citizenship // Sociology. 1987. Vol. 21. No. 3. P. 339–354.

У нас нет возможности обстоятельно рассматривать дебаты, вызванные этими тезисами М. Манна. Отметим лишь, что в центре их оказался вопрос о том, насколько «автономны» правящие классы в определении режимов гражданства или, что то же самое, насколько существенна роль в этом сопротивлений (или революционных выступлений) со стороны низших классов. Наиболее убедительным решением данного вопроса представляется то, которое высказал Г. Терборн (хотя и вне контекста данной дискуссии рассуждая о формировании демократии, а не специфических режимов гражданства): «...Движение рабочего класса нигде не смогло за счет своих собственных ресурсов установить демократию — это уже много говорит о силе буржуазной власти... Такие попытки всегда заканчивались поражением. Только в соединении с внешними союзниками неимущие классы добивались демократических прав, но именно имущие меньшинства, в конце концов, решали критически важные вопросы о том, когда и в какой форме вводить демократию. Таким образом, процесс демократизации развертывался в рамках капиталистического государства, отливаясь в формы буржуазной демократии...». «Хотя буржуазная демократия есть демократическое правление плюс господство капитала, ее демократический компонент завоевывался и защищался против буржуазии»³³.

Учитывая это, можно сказать, что любой режим гражданства с присущей ему *конкретизацией* прав неизбежно оказывается двуликим, а сами права — орудиями «двойного назначения». С одной стороны, они *есть* завоевания освободительной борьбы и (хотя бы потенциально) средства и ресурсы защиты достигнутой меры свободы. Но, с другой стороны, в качестве продуктов стратегии господствующих классов (пусть и фиксирующих исторические компромиссы с низшими классами) права гражданства служат инструмента-

³³ Therborn G. The Rule of Capital and the Rise of Democracy // New Left Review. 1977. No. 103. P. 34, 35.

ми контроля над членами общества и надзора за ними. Эти права не только обозначают границы дозволенного, но и обуславливают восприятие их в качестве «естественных» и даже принадлежащих к самоопределению свободы как таковой. В этом качестве права служат установлению «добровольных» форм кооперации индивидов с администрацией как блюстителем прав (при сокрытии ее роли как их создателя). Это, в свою очередь, является ключевым условием роста ее эффективности и «рациональности», ее функционирования в качестве «современной» администрации³⁴.

Рассмотрение диалектики господства и освобождения в практиках гражданства и составляющих его прав выводит далеко за рамки понимания гражданства как *статуса*. В том-то и дело, что «статусная» концепция гражданства «останавливает» эту диалектику, берет ее исторические результаты как данность, как окончательную истину прав. Она выдает достигнутую меру свободы за свободу как таковую, вследствие чего личные права гражданства отождествляются со свободой вообще, а их контрольно-надзорная функция исчезает из поля зрения. «Невидимыми» становятся и те *конкретизации* абстракций гражданских прав, которые осуществляет власть в каждом данном обществе, служащие тому, что права, будучи формой и средством «выравнивания» индивидов в одном ракурсе и наделяния их дееспособностью в отношении одних предметов, создают новые субординации в другом отношении и делают другие предметы неподконтрольными им. Так, «капиталистический трудовой договор

³⁴ Подробнее об этом см.: Giddens A. A Contemporary Critique of Historical Materialism. Vol. 1. Berkeley, CA: University of California Press, 1981. P. 169 ff; Giddens A. The Nation-State and Violence. Berkeley, CA: University of California Press, 1985. P. 201 ff, 210, 219. Критику взглядов Э. Гидденса по этим вопросам см.: Held D. Citizenship and Autonomy // Social Theory and Modern Society: Anthony Giddens and His Critics / D. Held, J.B. Thompson (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 170–175.

[являющийся еще одним воплощением универсального права собственности], — пишет Э. Гидденс, — исключает рабочего из формального права контроля над рабочим местом [которым пользовались даже крепостные крестьяне]. Такое исключение отнюдь не случайно для капиталистического государства. Оно жизненно необходимо ему, ибо сфера промышленности характерным образом объявляется находящейся «вне политики»³⁵.

В этой логике нынешние «статусные» концепции гражданства приглушают, а то и вовсе устраняют ту тему, которая была центральной для Т.Х. Маршалла, — «гражданство и капитализм», в чем и заключается, вероятно, их главное отступление от его теории. Иными словами, в них исчезает фокусировка на вопросе о том, каким образом и в чем именно гражданство модифицирует капитализм (хотя возможно и перевертывание этого вопроса — каким образом и в чем именно капитализм подминает под себя гражданство и делает его своим инструментом?)³⁶. В той мере, в какой в теме «гражданство» вообще остается проблематика освобождения, она сводится преимущественно к вопросам о расширении существующих прав на те категории лиц, которые были их дотоле лишены (в этом ключе разрабатываются популярные ныне сюжеты о правах всевозможных меньшинств). Или же речь может идти о создании новых видов прав («культурного» и

³⁵ Giddens A. The Nation-State and Violence. P. 207.

³⁶ Хотя трудно не согласиться с теми, кто подчеркивает, что и у Т.Х. Маршалла такая фокусировка оказывается размытой, вернее, смещенной с *противоречия* между гражданством и капитализмом на сам капитализм, на условия его *стабилизации*. Действительно, в концепции Т.Х. Маршалла гражданство, способствуя некоторому смягчению форм классового неравенства при капитализме, в конечном счете служит тому, чтобы легитимировать их и сделать приемлемыми для низших классов. Подробнее см.: Hindess B. Citizenship in the Modern West // Citizenship and Social Theory / B.S. Turner (ed.). L.: Sage, 1993. P. 22–23, 25.

«экологического гражданства», репродуктивных прав женщин и т.д.), но они обычно не ставятся в связь с логикой и механизмами функционирования капитализма³⁷.

Конечно, и расширение сфер действия существующих прав, и создание новых прав (окажись такое возможным) может рассматриваться в качестве важных демократических достижений. Но ясно и то, что все это само по себе не может изменить те специфически капиталистические и административные конкретизации прав гражданства, которые обуславливают наличие у них второй, антидемократической стороны. Это — та сторона, на которой осуществляются функции контроля и надзора, производства и легитимации соответствующих форм субординации и исключения. Исследование нравственно-политического дуализма прав гражданства и его значения для перспектив демократизации и освобождения требует преодоления концепции гражданства-как-статуса и рассмотрения гражданства как *практики*. Речь идет о практике, в которую гражданство-как-статус включено в качестве ресурса и орудия, так или иначе используемого участниками борьбы, и в качестве «исходной позиции», которую они занимают перед началом каждого очередного ее тура. Такие концепции гражданства-как-практики мы рассмотрим в третьей части данной работы.

³⁷ См.: *Steenbergen B. The Condition of Citizenship: An Introduction // The Condition of Citizenship / B. Steenbergen (ed.). L.: Sage, 1994. P. 8; Held D. Citizenship and Autonomy. P. 163 и др.*

При этом нужно подчеркнуть, что с более ортодоксальной либеральной точки зрения историческое творение видов прав уже завершено: в будущем возможна только их более полная институционализация, но не возникновение новых видов прав. Это — еще один вариант «конца истории», на сей раз как истории гражданства. Т. Парсонс дает систематическое и классическое представление этой точки зрения на гражданство (см.: *Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 111 и далее*).

Стоит отметить то, что теория Т.Х. Маршалла обнаруживает некоторое движение в сторону понимания гражданства как практики. Однако его формула «права + институты» — не очень подходящее для такого движения средство. Она годится скорее для описания того, что *есть* результат (причем без вскрытия коренящихся в таком «есть» противоречий), чем его динамики, позволяющий увидеть «есть» как *процесс*. В нынешних «статусных» концепциях гражданства этот недостаток теории Т.Х. Маршалла оказывается чуть ли не принципиальной методологической установкой. У. Кимлика и У. Норман даже усматривают одну из главных *опасностей*, грозящих теории гражданства, в том, что некоторые авторы *смешивают* два различных способа его концептуализации. Первый из них — тот, в котором гражданство предстает «легальным статусом», во втором же оно выступает в качестве «желательного типа деятельности»³⁸. Термин «желательная деятельность» намекает скорее на нормативно «правильное», в соответствии с идеалом гражданина, поведение индивидов, чем на реальную борьбу массовых политических сил. Но само разведение «статуса» и «деятельности» на уровне методологической установки свидетельствует о том, насколько надежно «статусным» концепциям гражданства удалось остановить скромное продвижение Т.Х. Маршалла к пониманию его как практики.

Если «статус» и «деятельность» столь решительно разводятся, то *что* в гражданстве-как-статусе остается от свободы? Защищенность от неправомочных дей-

³⁸ *Kymlicka W., Norman W. Return of the Citizen... P. 284.*

Это примерно соответствует тому, как Дж. Коэн предлагала «распаковать» целостную концепцию гражданства, выделяя из нее и отделяя друг от друга «гражданство как правовой статус юридической личности», с одной стороны, и «гражданство как политический принцип демократии» и «гражданство как форму членства» в некотором ограниченном и «эксклюзивном» сообществе — с другой (см.: *Cohen J. Changing Paradigms of Citizenship... P. 248 ff.*)

ствий других (гражданские права)? Пользование определенными привилегиями (будь то участие в выборах или получение тех или иных социальных бенефитов)? Да, конечно. Но ведь защищает от таких действий государство, причем в тех рамках и формах, которые само устанавливает, и привилегиями наделяет и обеспечивает их осуществление опять же оно. Со всех этих точек зрения гражданство-как-статус выражает *клиентельную зависимость* от государства и никоим образом не связано со свободой как *самодетельностью*. Обычно «клиентелизацию гражданства» (Ю. Хабермас) рассматривают в связи с социальными правами. Это стало почти общим местом не только правых, но и левоцентристских инвектив в адрес welfare state³⁹. Но разве с точки зрения их происхождения и реальной практики гражданские и политические права чем-то в этом отношении отличаются от социальных? Разве в отношении их недействителен отмеченный еще Х. Арендт парадокс «прав человека» — они защищают *от* государства, при том, что такая защита возможна *лишь в рамках самого государства* и благодаря ему⁴⁰? Разве возможно применительно к гражданству-как-статусу поставить вопрос, который одним из очень немногих отваживается поднять Д. Драйзек: мыслимо ли демократическое гражданство как направленное *против* государства и существующее *отдельно* от него⁴¹? Если, скажем, государство, все более подчиняясь диктату капитала, разрушает социальные права и

³⁹ См.: Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: АО «КАМИ», ACADEMIA, 1995. С. 224–225; King. D. The New Right: Politics, Markets, and Citizenship. L.: Macmillan, 1987. P. 45–46.

⁴⁰ См.: Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. С. 389–397.

⁴¹ См.: Dryzek J.S. Democracy in Capitalist Times: Ideals, Limits, and Struggles. N.Y.: Oxford University Press, 1996. P. 36.

профанирует политические (политическое волеизъявление народа становится лишь декорацией капиталистической «экономической целесообразности», детерминирующей реальное «принятие решений»). Но ведь именно способность демократического гражданства выступить против действующего таким образом государства служит лакмусовой бумажкой того, насколько оно в действительности является свободным. Речь идет о свободе от односторонней зависимости от благорасположения государства и его прямо-таки неземной верности высшим моральным принципам, заставляющей его защищать граждан от самого себя и бескорыстно радеть о страждущих.

В раннем либерализме, например у Д. Локка, такой лакмусовой бумажкой (и в то же время высшей и окончательной гарантией осуществления всех иных прав) было право на сопротивление, в том числе и вооруженное, народа суверену, нарушившему «общественный договор». Можно ли найти способный к таким действиям схожий с локковским «народом» коллективный субъект в наших условиях? Несомненно одно: «статусные» граждане как клиентура государства на такую роль решительно не годятся. Соответственно нам нужно признать радикальное преобразование характера связи между гражданством и свободой в современных условиях по сравнению не только с классическими античными, но и с теми, в которых зародился современный мир и вообще может «твориться история». Сейчас гражданство (как статус) — лишь *средство* быть свободным, в иных условиях оно — сам *способ* быть свободным⁴². Разница воистину огромна!

Но где и как реализуется та свобода, для которой гражданство — средство? Есть ли у нее какой-то смысл помимо удовлетворения эгоистических устремлений индивидов, наделенных такой свободой? Служит ли

⁴² Подробнее об этом см.: Pocock J.G.A. The Ideal of Citizenship since Classical Times // The Citizenship Debates: A Reader... P. 34.

ГРАЖДАНСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

она хотя бы поддержанию в надлежащем состоянии того средства, которое сделало ее возможной, — «статусного» гражданства? Ответы на эти вопросы и стремятся дать те либеральные и «окололиберальные» концепции гражданства, которые связывают его с гражданским обществом.

Научное издание

Серия «Политическая теория»

БОРИС КАПУСТИН

ГРАЖДАНСТВО
И ГРАЖДАНСКОЕ
ОБЩЕСТВО

Главный редактор

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией

ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Художник

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Редактор

ЕЛЕНА СОКОЛОВА

Верстка

ОЛЬГА ИВАНОВА

Корректор

ЕВГЕНИЯ КАЧАЛОВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3

Тел./факс: (495) 772-95-71

Подписано в печать 6.12.2010. Формат 84×108/32

Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 9,9

Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Изд. № 1247. Заказ №

Отпечатано в ГУП ППП

«Типография «Наука»

121099, Москва,

Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-7598-0799-5

9 785759 807995